

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Барнаульская духовная семинария
sverhtitan@rambler.ru

TRANSFORMATION OF RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE STATE AT THE BEGINNING OF THE 18TH CENTURY

V. Skopa

Summary: The article defines the transformation of the relationship between the Russian Orthodox Church and the state at the beginning of the 18th century. The genesis of the relationship between the state and the church is described, the role of the church in strengthening state power is defined. The synodal period under consideration had its shortcomings and achievements. By the end of the 17th century, the Russian Church had accumulated a significant number of internal problems related to its position in society and the state, as well as the almost complete absence of a system of religious and church education and training. The period of the 18th century became a time of difficult trials for all Christian denominations, when the church needed to find its place in a rapidly changing Christian society, religiously comprehend the new time and try to resolve numerous issues related to the secular world's departure from the church.

Keywords: church history, Russian state, Peter I, Orthodoxy, Synod.

Аннотация: В статье определена трансформация взаимоотношений Русской православной церкви и государства в начале XVIII века. Описан генезис взаимоотношений государства и церкви, определены роль церкви в укреплении государственной власти. Рассматриваемый синодальный период имел свои изъяны и достижения. К концу XVII века в Русской церкви накопилось значительное количество внутренних проблем, связанных с её положением в обществе и государстве, а также практически полным отсутствием системы религиозно-церковного просвещения и образования. Период XVIII столетия для всех христианских конфессий стал временем сложных испытаний, когда церкви необходимо было найти свое место в стремительно менявшемся христианском обществе, религиозно осмыслить новое время и попытаться разрешить многочисленные вопросы, связанные с отходом светского мира от церкви.

Ключевые слова: история церкви, Российское государство, Петр I, православие, Синод.

В XXI века идет активный процесс конструирования Церковью социокультурной реальности. Деятельность Церкви приобретает очертания четко продуманной программы, которая наполняется культурообразующими смыслами, что, в свою очередь, поддерживается государством. В XXI в. мы можем наблюдать реализацию нового цивилизационного проекта, который обозначается Патриархом и Президентом как создание «русского мира» – культурной общности с единой идентичностью и ценностями, основанными на традиционных христианских, духовно-нравственных ценностях.

История взаимоотношений Русской Православной Церкви и государства подтверждает важность роли церкви в политическом, экономическом, правовом и культурном укладе России [4]. Проблема взаимодействия государства и церкви, светской и духовной власти в дореволюционной России является необычайно важной для более глубокого понимания исторических проблем развития российской государственности и всего российского общества [1, 3, 9].

Рассматриваемый исторический период – монархический период в истории российского государства и полностью синодальный в истории Русской Православной Церкви. Государственная власть в этот период считалась богоданной, на деле сочетая духовный авторитет с самодержавной авторитарностью [6, 11].

С первых шагов своего существования на Руси православие утверждалось как религия, тесно взаимодействующая с государством. Церковь способствовала процессу соединения русских земель, вносила существенный вклад в борьбу с внешней угрозой, помогала светской власти решать задачи, в целом совпадающие с общенациональными интересами. Она выступала как крупный собственник земли, чинила судопроизводство, исполняла ряд важнейших государственных функций, что обусловило превращение православия в официальную идеологию [7].

К концу XVII века в Русской церкви накопилось значительное количество внутренних проблем, связанных с её положением в обществе и государстве, а также

практически полным отсутствием системы религиозно-церковного просвещения и образования. Во второй половине столетия вследствие не вполне удачно проведённых церковных реформ патриарха Никона, произошёл старообрядческий раскол: значительная часть Церкви – прежде всего простой народ – не приняла решения Московских соборов и отвергала предписанные ими преобразования в Церкви, следуя нормам и традициям, сформировавшимся в Москве в XVI столетии. Всё это накладывало значительный отпечаток на общество того времени.

Важным фактором церковной жизни в конце XVII века было состоявшееся в 1688 присоединение Киевской митрополии Константинопольского патриархата к Московскому Патриархату. В российский епископат вошли некоторые по-западному образованные мало-российские православные представители духовенства, часть которых сыграла ключевую роль в церковных преобразованиях Петра I.

Пётр I видел глухое, а порою и явное, недовольство духовенства теми преобразованиями, которые были начаты для модернизации России, ибо они разрушали старый московский строй и обычаи, которым те были так привержены. Пётр, занимавшийся созданием абсолютистского государства по западноевропейскому образцу, не допускал самостоятельности Церкви и не любил духовенство, в массе которого находил наибольшее число противников того, что ему было самому более всего близко [5, 8]. Духовенство Пётр воспринимал как «не есть иное государство», которому «наравне с другими сословиями», должно подчиняться общим государственным законам [12].

Период XVIII столетия для всех христианских конфессий стал временем сложных испытаний, когда церкви необходимо было найти свое место в стремительно менявшемся христианском обществе, религиозно осмыслить новое время и попытаться разрешить многочисленные вопросы, связанные с отходом светского мира от церкви. А это, в свою очередь, требовало «обновления» церкви, нового взгляда на решение старых задач. Православная церковь занимала слишком важное место, чтобы остаться вне поля зрения различных общественных и политических сил в то время.

Синодальный строй имел несомненные изъяны, из которых можно выделить два наиболее существенных. Первый и главный изъян синодального строя в «связанности церковной свободы», лишенности Русской Церкви «своей соборности, выборного начала и вообще всего самоуправления», к чему привела реформа Петра. Так, А.В. Карташев признавал вредность государственной опеки Церкви – опеки, подавляющей «церковное сознание» и закрывающей вход церковных сил «к новому

творчеству» [8, 10]. Но при этом настаивал на том, что делает это «последним из последних», «вслед за всей русской иерархией, которая двести лет воздыхала под бременем «Духовного регламента» [7, с. 258].

Положение главы русского духовенства стало ещё тяжелее, когда с 1711 года вместо старой Боярской думы стал действовать Правительствующий Сенат. По указу об учреждении Сената все управления, как духовные, так и мирские, должны были повиноваться указам Сената как царским указам. Сенат сразу овладел и верховенством в духовном управлении. С 1711 года блюститель патриаршего престола не мог без Сената поставить архиерея. Сенат самостоятельно строил церкви в завоеванных землях и сам приказывал псковскому владыке поставить туда священников. Сенат определял игуменов и игуменний в монастыри, в Сенат направляли свои просьбы о позволении поселиться в монастырь инвалиды-солдаты [13].

С 1715 года все центральные учреждения начали сосредотачиваться в Петербурге и разделяться на устроенные коллегиально ведомства. В 1718 году местоблюститель патриаршего престола, временно пребывавший в Петербурге, получил указ его величества – «жить ему в Петербурге постоянно и архиереям приезжать поочередно в Петербург же, против того, как в Москву приезжали» [7]. Это вызвало недовольство митрополита, на что Пётр ответил резко и сурово и впервые высказал мысль о создании духовной коллегии. В итоге, 25 января 1721 года Пётр подписал манифест об учреждении Духовной Коллегии, получившей вскоре новое наименование Святейшего правительствующего Синода. Заблаговременно созданные члены Синода принесли 27 января присягу, и 14 февраля произошло торжественное открытие нового высшего органа управления церковью [12].

Состав Святейшего Синода определялся по регламенту в 12 «правительствующих особ», из которых три непременно должны были носить сан архиерея. Как и в гражданских коллегиях, в Синоде считался один президент, два вице-президента, четыре советника и пять ассессоров. В 1726 году эти иностранные названия, так не вязавшиеся с духовными санами заседавших в Синоде лиц, были заменены словами: первоприсутствующий член, члены Синода и присутствующие в Синоде. Президенту, впоследствии первоприсутствующему, принадлежал, по регламенту, голос, равный с прочими членами коллегии [7].

Президентом Синода был назначен митрополит Стефан. В Синоде он сразу оказался чужим человеком, несмотря на своё президентство. За весь 1721 год Стефан в Синоде был только 20 раз. Никакого влияния на дела он не имел. По устройству канцелярии и делопроизводства Синод напоминал Сенат и коллегии, со всеми заведён-

ными в этих учреждениях чинами и обычаями. Так же, Пётр позаботился об устройстве надзора за деятельностью Синода. 11 мая 1722 года было приказано присутствовать в Синоде особому обер-прокурору. Так же, как и генерал-прокурор, обер-прокурор Синода назывался инструкцией «оком государевым и стряпчим о делах государственных» [3]. Обер-прокурор подлежал суду только государя. Новое учреждение, по мысли Петра, должно было немедленно взяться за исправление пороков в церковной жизни.

Духовный Регламент указывал задачи нового учреждения и отмечал те недостатки церковного устройства и быта, с которыми надлежало начать решительную борьбу. По части просвещения и образования Духовный Регламент предписывал Синоду следить, чтобы «у нас было довольное к исправлению христианскому учение», для чего надлежит составить краткие и удобопонятные для простых людей книжки для обучения народа главнейшим догматам веры и правилам христианской жизни [7].

Многие историки РПЦ несмотря на критическое отношение к петровской церковной реформе, усматривали в ней неизбежность, обусловленную изменившимся миром. В Европе уже гуманизм, эмансипировав человеческое начало от начала божеского, утвердил не только независимость человеческого начала, но и его примат, даже абсолютизм. Дискуссии о двойственности права – божественного и человеческого к XVI в. были «покрыты» новой идеей – «естественного права», как высшего начала, «воплощенного в национальном государстве, занимающем определенную территорию» и управляющем всем, что есть на этой территории, включая все религии, Церкви и секты. Полнота государственной власти – законодательной, административной, судебной – обуславливает ее примат над религиозной сферой. Религиозная жизнь – догматическая, нравственная, мистическая – протекает на глубине, независимой от внешней власти государства; «на деле же эта зависимость, как и в таинственной связи души с телом, является вполне реальной и исторически весьма осязаемой» [9]. Таким образом, взаимоотношения Церкви и государства в новое время так радикально изменились, что средневековая теократия оказалась нежизнеспособной как в ее «острой форме римского папо-кесаризма», так и в «смягченной форме византийского кесаро-папизма».

Петр, увлеченный «просвещенским» мировоззрением и идеей «естественного права» стал решительным проводником и исполнителем перелома в неотвратимом всемирно-историческом процессе меняющихся взаимоотношений Церкви и государства. Именно в Петре восторжествовало это западноевропейское мировоззрение, в российском варианте сменившее высшую цель бытия: не Царство небесное, а «прогрессирующее улучшение земного благоденствия» – «общее благо».

Еще один значимый изъян, к которому привели в России «просвещенческие» преобразования, начатые Петром и продолженные последующими правителями: «раскол в мировоззрении русского народа». Единый народ раскололся на три группы, которые постепенно отдалялись друг от друга, лишаясь взаимной помощи.

Правящий класс, учившийся на западных образцах, стал мыслить «в духе рационализма, индифферентизма, вольтерьянского презрения к своей Церкви» – а значит, и к ее клиру. Клир, прошедший латиноязычную «схоластическую школу», в результате был неспособен и удовлетворять духовные интересы образованного общества, даже когда таковые появлялись, и отчуждался внутренне от простого народа, «плотью от плоти» которого был ранее. Народные низы, отрезанные и от культурных классов, и от духовенства, стали загадкой и для тех, и для других, коснели в духовном невежестве, суевериях и религиозно увядали [7, 8]. Это разделение настолько ослабило российское общество, что земными путями обрести единство и силу было практически невозможно, что и определило крах Империи.

В тоже время рассматривая радикальность религиозных преобразований в начале XVIII века, важно отметить, что синодальный период имел и достижения в церковной жизни. Так, это прослеживалось в следующем:

- внешний, количественный рост Русской Церкви, подразумевающий и новую, повышенную ответственность;
- активная миссия как на территории Российской империи, так и за ее пределами, причем с выработкой особых миссионерских методов, куда можно отнести перевод священного Писания и богослужебных текстов на языки и наречия просвещаемых народов, воспитание духовенства из инородцев и другое;
- поддержка – материальная, просветительская, духовная – единоверных Церквей Востока, ослабленных игом ислама;
- развитие в самой России духовного просвещения, ориентированного на все слои населения;
- становление и развитие церковной науки и самостоятельной богословской мысли;
- участие Русской Церкви в межконфессиональных диалогах;
- деятельное участие в богословском творчестве мирян: философов, писателей, живописцев, музыкантов;
- плодотворное развитие культового благочестия;
- новое возрождение русского монашества, причем не только и не столько во внешнем, сколько во внутреннем делании;
- самое «бесспорное мерило силы Церкви» – рост святости и благочестия.

Следует подчеркнуть: религиозный фактор всегда был крайне значимым для политической истории России, а Русская православная церковь играла огромную роль в становлении и развитии российской государственности. Светская и духовная власти были заинтересованы во взаимной поддержке и укреплении друг друга.

Несмотря на кардинальность преобразований, церковь уже к середине XVIII века представляла собой хорошо развитый социальный институт с разветвленной системой управления, множеством всевозможных комиссий, комитетов и контор по различным направлениям церковной жизни: миссионерской, учебной, благотворительной, хозяйственной, статистической, церковно-археологической, причем как на уровне цен-

трального управления, так и в епархиях [2].

Таким образом, подводя итог можно отметить, что отношения между светской и духовными властями в стране никогда не были беспроблемными и даже в отдельных случаях приводили к острейшим конфликтам. Логика политической централизации, концентрации власти неизменно и всегда оборачивалась всё большим доминированием государственного начала. Доктрина «симфонии властей» в своём практическом содержании обернулась со временем политикой огосударствления православной церкви. Превращение последней в компонент чиновничье-бюрократического аппарата императорской России означало, что церковь стала воплощать в себе не только достоинства отечественной государственности, но и пороки абсолютистской системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.И. Под знаком конца времен: очерки русской религиозности: научное издание. СПб.: Алетейя, 2017. – 352 с.
2. Бердинских В.А. Приходское духовенство России и развитие краеведения в XIX веке // Вопросы истории. 1998. №10. – С. 134-138.
3. Величко А.М. Церковь и император в византийской и русской истории (историко-правовые очерки). СПб.: Издательство Юридического института, 2006. – 237 с.
4. Громыко М.М. О единстве православия в церкви и в народной жизни русских // Традиции и современность. Научный православный журнал. 2002. №1. – С. 23-31.
5. Дворянов В.А. Роль провинциального православного духовенства в формировании интеллигенции в пореформенной России // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход. 2000. №5. – С. 169.
6. Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Минск: Белорусский экзархат, 2012. – 572 с.
7. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1992. – 686 с.
8. Карташев А.В. Церковь и государство // Церковь, история, Россия: сборник статей. М., 1996. – С. 224–240.
9. Катин В.И. Актуальные проблемы партнёрских отношений Русской православной церкви и государства в современной России. Саратов: Наука, 2016. – 240 с.
10. Митрофанов Г., прот. Антон Владимирович Карташев – русский богослов и церковный историк, государственный и общественный деятель // Посев. 2002. № 10-11. – С. 36-42.
11. Римский С.В. Православная Церковь и государство в XIX веке. М.: Новый хронограф, 2005. – 251 с.
12. Смолич И.К. История Русской Церкви: 1700-1917: В 2 ч. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996-1997.
13. Сухова Н.Ю. А.В. Карташев о синодальном периоде в истории Русской Церкви: стыд и позор или слава и гордость? // Церковь. богословие. История. Материалы VII Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 8–10 февраля 2019 г.) Екатеринбург, 2019. – С. 307-312.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»